

[17]. Castells M. (2012) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. 1st ed. Cambridge: Polity Press.

[18]. Ng E. (2020) No grand pronouncements here...: Reflections on cancel culture and digital media participation. *Television & New Media*, vol. 21, no 6, pp. 621–627.

[19]. Shead S. (2020) JK Rowling criticizes ‘cancel culture’ in open letter signed by 150 public figures. CNBC. July 8. Available at: <https://www.cnbc.com/2020/07/08/jk-rowling-cancel-culture.html> (accessed 04 January 2021).

[20]. Tufekci Z. (2018) How Social Media Took Us from Tahrir Square to Donald Trump.” *MIT Technology Review*, August 14. Available at: <https://www.technologyreview.com/s/611806/how-social-media-took-us-from-tahrir-square-to-donald-trump/> (accessed 03 January 2021).

[21]. Ivanka Trump Blames (2020) ‘Cancel Culture’ for Pulled Speech. College Says It Took a Stand. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/06/07/us/politics/ivanka-trump-speech-protests.html>. (accessed 08 September 2020).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bykov Il'ja Anatol'evich,
School of Journalism and Mass Communications,
St Petersburg State University,
VO, 1 Line, 26; St. Petersburg, 199004, Russia.
doctor in political science, professor,
e-mail: i.bykov@spbu.ru,
ORCID 0000-0001-8462-5320,

Ahmedova Julija Dilshodovna,
School of Journalism and Mass Communications,
St Petersburg State University,
VO, 1 Line, 26; St. Petersburg, 199004, Russia.
PhD-student
e-mail: st039707@student.spbu.ru,

УДК: 32

Научная статья

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ КАК “НОВАЯ МЕДИОКРАТИЯ”: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Гуторов В.А.

*ФГБОУ ВО “Санкт-Петербургский государственный университет”,
г. Санкт-Петербург, Россия*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена преимущественно проблеме генезиса элитарных тенденций в современной информационной политике в контексте анализа эволюции интеллектуальных стратегий в области массмедиа в посткоммунистических странах. В ней после-

довательно исследуются парадоксальные свойства феномена посткоммунизма, постоянно стимулирующие поворот гуманитарных наук в направлении анализа специфики новых коммуникативных и риторических свойств политических текстов в структуре идеологических дискурсов как в самой Европе, так и за ее пределами. Речь идет, прежде всего, о необходимости осмысления реального процесса, который Т. Марттила определяет как “всеобщую “дискурсивизацию” академического сообщества”. Некоторые ученые полагают, что подобная тенденция является своеобразным отражением процесса “материализации дискурсов”, в рамках которого риторика и вообще риторическое начало приобретают господствующее положение в современной политике. Все эти революционные тенденции, безусловно, усиливают позиции современных массмедиа, формируя обновленную основу для претенциозного политического мифа о “четвертой власти”, возникшего во второй половине прошлого века. Одна из наиболее тенденциозных современных версий этого мифа отразилась в представлении об интеллектуалах как “новой медиакратии”, истоки которой восходят к раннему этапу “бархатных революций” в Центральной и Восточной Европе. В ее основе лежит аберрация, которая постоянно трансформирует вполне реалистичную конструкцию – интеллигенция во власти или “при власти” (М. Вебер), подменяя ее утопическим мифом – интеллигенция как “правлящий класс”.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, массмедиа, посткоммунизм, либерализм, интеллектуалы, “медиакратия”, миф, власть, утопия.

DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.003

Поступила в редакцию: 15.01.2021

В окончательном варианте: 25.01.2021

Для цитирования: Гуторов, В. А. Интеллектуалы как “новая медиакратия”: исторические и теоретические аспекты интерпретации/ В. А. Гуторов // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. – 2021. – Т. 1. – № 1. – С. 26 – 43. – DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.003

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена преимущественно проблеме генезиса элитарных тенденций в современной информационной политике в контексте анализа эволюции интеллектуальных стратегий в области массмедиа в посткоммунистических странах. Ее название свидетельствует о том, что на рубеже 1980-1990-х гг. политика посткоммунистических элит во многом способствовала формированию социальных и психологических предпосылок, под воздействием которых риторика “постправды” стала во многом определять структуру политических коммуникаций далеко за пределами Центральной и Восточной Европы. Как справедливо отмечал в свое время канадский политолог П. Дуткевич, “один из наиболее решающих уроков для США пришел из Восточной Европы. С крахом коммунистической системы Соединенные Штаты почти внезапно стали единственным глобальным игроком. Но это было только начало. Столь же важными в формировании будущей политики США были заключения, выведенные из начального периода так называемой “трансформации в сторону рынка и демократии” ... В обычном случае сложное слово, составляемое из капитализма и демократии, относят к

довольно противоречивому понятию “либерализм”, иногда такая смесь именуется “либеральной демократией”. Однако посткоммунизм трансформировал те образы демократии, либерализма и капитализма, которые мы до сих пор знали. Вместо того чтобы утвердить изначально заложенные в них эмансипаторские идеалы, посткоммунизм, пройдя по восходящей линии ряд экспериментов, явил себя, скорее, в виде процесса, посредством которого “жуткая” категория Запада — “политический нигилизм” (“все позволено”) утвердил свое господство ...” [6, с. 41, 42 – 43]. В определенном плане “Восточная Европа служит в качестве “широкомасштабной лаборатории” для определения среднесрочных эффектов глобализации (среди прочих “результатов тестирования” мы, пережив десять лет трансформации, гораздо лучше информированы относительно того... как эффективно манипулировать “свободными средствами массовой информации”; каковы политические и экономические издержки драматического подрыва социальных связей; каковы различные последствия глобализации, опосредованной различными культурами) [6, с.44].

В современном политико-философском дискурсе понятия – “постполитика” и “постправда” постепенно, но уверенно начинают вытеснять привычные для нас классические термины, универсальность которых прежде не вызывала сомнений. К таким приставкам мы стали привыкать с начала 1990-х гг., когда на Западе всех проживавших на территории бывшего СССР и жителей стран Центральной и Восточной Европы в придачу стали именовать обитателями “постсоветского” или “посткоммунистического” пространства. В результате впечатление, что “постполитика” и “постправда” вполне могут считаться производными от концепта “посткоммунизм” вскоре обрело устойчивость и даже превратилось в некую квазиметодологическую константу. Знакомство с трудами зарубежных политологов нередко дает повод убедиться в том, что и на Западе подобная трактовка новых социальных реалий также является довольно привычной. В основе такого восприятия лежит не лишенный иррациональности макабрический образ “сложности”, отличающий современную жизнь и фактически нивелирующий традиционные культурные различия и политические традиции, которые все больше выглядят как дополнительные приставки все той же постправды. Вот как, например, характеризует эти недавно появившиеся реалии И. Калпокас, автор новейшего исследования “Политическая теория постправды”: “Идея постправды становится все более важной для описания сегодняшней политической жизни в частности, и некоторых важных социальных изменений в более широком смысле. Сама концепция предназначена для обозначения, в зависимости от интерпретации, верховенства непроверенных или полностью сфабрикованных заявлений в политических дебатах при отсутствии всеобщего уважения к истине в современных обществах, преобладания эмоций над знаниями и т. д. Скептики, которые заявляют, что люди по-прежнему жаждут истины и способны различать, что означает истина, тем самым утверждая, что разговоры о “пост-правдивом” обществе преждевременны и ошибочны, а равным образом и редуccionисты, которые сосредотачиваются лишь на одном аспекте, таком как человеческая склонность отбирать информацию в соответствии с ранее существовавшими

мировоззрениями, игнорируют более широкий психологический, технологический, политический и медийный контекст. Фактически ... “пост-состояние” заключается в более широких трансформациях, которые привели к тому, что дихотомия “истина – ложь” в значительной степени вытеснены” [20. с. 9 – 10].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВОЙ СТАТЬИ являются различные версии критического дискурс-анализа, широко представленные в работах современных исследователей политических и культурных аспектов массмедиа. Особое значение имеет, в частности, пионерская работа Т.А. Ван Дейка “Общество и дискурс”, в которой отчетливо обозначен следующий тезис, во многом способствовавший формированию “идеологии статьи”: “Если контексты... неформально определяются как *структура релевантных свойств коммуникативных ситуаций* словесного взаимодействия, тогда представляется вполне очевидным, что систематический анализ этих ситуаций будет играть решающую роль для развития эксплицитной теории контекста и для понимания того, каким образом контексты контролируют использование языка” [38. р. VII.].

Исследование парадоксальных свойств феномена посткоммунизма стало одним из наиболее важных стимулов для поворота гуманитарных наук в направлении анализа специфики новых коммуникативных и риторических свойств политических текстов в структуре идеологических дискурсов как в самой Европе, так и за ее пределами. Поэтому, отнюдь не случайным, на наш взгляд, является резко повысившийся интерес авторов новейших работ в области политической лингвистики, политической текстологии, политической риторики и философии публичной политики к идеологической проблематике [1], [25, с. 72-77], [27], [29], [30], [31], [37]. Осмысление обозначенных выше проблем в социальных науках способствовало формированию предпосылок для нового этапа, который Т. Марттила определяет, как “всеобщую “дискурсивизацию” академического сообщества” [25, с. 1]. Некоторые ученые полагают, что подобная тенденция является своеобразным отражением процесса “материализации дискурсов”, в рамках которого риторика и вообще риторическое начало приобретают господствующее положение в современной политике. Так, например, Х.Э. Хейз в книге “Субъекты насилия и риторическая картография в эпоху войн с террором” утверждает, что новое представление о дискурсе необходимо дополнить соответствующей материалистической концепцией риторики, в рамках которой “постоянная и остаточная (residual) идея “текста” неотделима от контекстуализации риторического артефакта, являющегося частью более обширной конструкции социальных отношений” [17, с. 3].

Эволюция политических дискурсов действительно имеет прочную материальную основу и является отражением происходящей в современном мире коммуникативной революции. “Представляется, – отмечают К. Гибсон и Дж. Грэхем в книге «Посткапиталистическая политика», что создание нового политического воображения идет полным ходом... Возникнув в течение последних нескольких десятилетий и обретая зримую форму и самосознание посредством Интернета, независимых средств массовой

информации, а в последнее время и на Всемирных социальных форумах, это новое воображение разрушает обветшалые оппозиции между глобальным и местным, революцией и реформой, оппозицией и экспериментом, институциональной и индивидуальной трансформацией... Концептуальное взаимопроникновение радикально изменяет сложившуюся пространственно-временную структуру прогрессивной политики, перестраивая положение и роль субъекта, а также видоизменяя основания для оценки эффективности политических движений и инициатив» [15, с. XIX].

Все эти революционные тенденции, безусловно, усиливают позиции современных массмедиа, формируя обновленную основу для претенциозного политического мифа о “четвертой власти”, возникшего во второй половине прошлого века. Например, Ник Коулдри определяет власть СМИ как “концентрацию в институтах медиа символической способности “конструирования реальности” (как фактических представлений, так и достоверных фикций)”. [39, с. 189 – 190.]. “Каждая программа, текст или образ - отмечает он, – обладает, конечно, своим особым способом поддерживать вашу веру (будь то правдивая репрезентация фактов или убедительная фикция) ... Символическая власть масс-медиа далека от автоматизма. В действительности она должна постоянно воспроизводиться через разнообразные практики и диспозиции на любом уровне общественной жизни... “Медиа-власть” – ... это социальный процесс, который нам необходимо понять во всей его специфической сложности... Это не только нечто, чем институты масс-медиа (или медиа-тексты) “владеют”, а их аудитория “впитывает” ... Медиа-власть воспроизводится через конкретные детали того, что социальные акторы (включая членов аудитории) делают и говорят” [10, с. 4], [13, р. 149], [11, р. 102] [12, р. 181].

Именно в свете этих тенденций следует рассматривать весьма специфические формы медиакратических претензий, проявившие себя уже на самом раннем этапе посткоммунистических трансформаций.

На пике “бархатных революций” органическая взаимосвязь между стратегией утверждения новыми элитами Центральной и Восточной Европы нового политического дискурса и перспективой реструктуризации посткоммунистического общества была весьма рельефно обрисована венгерскими политологами Г. Конрадом и Й. Селеньи в выполненном в форме эссе гипотетическом проекте “Интеллектуалы и господство в посткоммунистических обществах”. Сам факт публикации этого эссе в сборнике материалов международной конференции “Социальная теория для изменяющегося общества”, который был издан в 1991 г. под редакцией Пьера Бурдьё и Джеймса С. Коулмана, был непосредственным свидетельством внимания ведущих ученых к обозначенной в нем проблематике. Важнейшие вопросы, на которые пытались ответить Конрад и Селеньи, были сформулированы следующим образом: “ (1) Доказывают ли текущие события упадок бюрократического господства и рост возможностей интеллигенции? Является ли интеллигенция новой правящей элитой, новым господствующим классом в посткоммунистическом венгерском обществе? (2) Являются ли явно возросшая политическая активность и влияние интеллектуалов долговременным феноменом

или же только коротким интервалом между коммунистическим бюрократизмом и новым, возможно, буржуазным классовым господством? (3) Если текущая стадия [развития] не представляет собой короткого переходного периода, но, возможно, новую эпоху, является ли вообще эта “третья” эпоха социалистической в каком-либо значимом смысле данного термина?” [23, с. 337– 338].

Осуществленный Конрадом и Селеньи анализ основывался, прежде всего, на тезисе, согласно которому “в текущем посткоммунистическом транзите интеллигенция, по всей видимости, открыла для себя незабюрократизированную роль. Вместо того, чтобы становится классом, формирующемся вокруг перераспределяющей власти, она осуществляет свою собственную власть в качестве политократии или медиакратии. Эта новая позиция открывается путем оценки и принятия дуализма посткоммунистической социальной структуры... В условиях посткоммунизма государственная бюрократическая элита должна научиться как жить и, до определенного предела, конкурировать с возникшим классом собственников. Интеллигенция же, внезапно открывшая для себя сферу демократической политики, доминирует в этой сфере путем монополизации дискурса, который устанавливает повестку дня для текущей и в особенности для будущей политики. Интеллигенция находит для себя удобным это диверсифицированное и увеличенное пространство и начинает видеть свою роль в том, чтобы стравливать одного господина с другим и, используя механизмы политической демократии, установить контроль над обоими и тем самым возвыситься над двумя господами в качестве “супер-господина” – мастера игры, рефери” [23, с. 354.]. Оказавшись намного проворнее “бюрократического правящего сословия”, интеллектуалы оказались способными не только использовать те же самые политические институты, которые в прошлом создавались для их притеснения, но и сформировать внутри социальной структуры такие позиции, которые более соответствовали их природе и потребностям. На первых стадиях посткоммунистической трансформации интеллектуалы изначально позиционировали себя как медиакратию, поскольку “масс-медиа играют ключевую роль в определении основополагающих вопросов” [23, с. 354.]. Тем самым в ходе рекрутирования из своих рядов новой правительственной элиты интеллигенция делает “заявку” на собственную будущую господствующую роль в обществе, “когда бюрократия исчезнет с исторической сцены” [23, с. 355.].

Хотя, как уже отмечалось выше, разработанный венгерскими учеными “медиакратический проект” новой интеллектуальной “политократии” рассматривался ими как один из возможных вариантов будущего развития, наряду с такими перспективами как “восстановление коммунистического социального порядка” и “переход к буржуазному классовому правлению” [23, с. 355], сам характер их аргументации свидетельствовал о том, что они рассматривали данный проект как из наиболее перспективных вариантов эволюции посткоммунизма как такового. “Мы полагаем, - писали они в заключении, - что в настоящее время невозможно говорить о том – окажется ли понятие “социализм” полезным для описания будущих социальных формаций в Центральной Европе. Эти

социальные формации могут быть, но могут и не быть социалистическими. Концепт посткоммунизма является гибким в том, что касается будущего” [23, с. 357].

Проект Конрада и Селеньи, разумеется, не был единственным в своем роде. Многочисленные западные исследования свидетельствуют о том, что он может рассматриваться лишь как одна из медиакратических утопий, возникших в посткоммунистическом пространстве в 1990-е гг. В их основе лежала иллюзия, что “с изменением системы и свободной прессы, - для политизированных интеллектуалов, журналистов и даже для простых граждан возникла новая возможность, но одновременно и новый вызов - реализуя поставленную цель, открыть новый политический дискурс с помощью процесса детабуизации и демократизации и сформулировать новый политический язык; с другой стороны, новые политические акторы (политики и партии) должны укреплять свои позиции в дискурсе, но также с помощью дискурса, завоевывая легитимное право на власть” [24, р. 127]. В условиях всеобщей эйфории, как отмечал в 1991г. словенский социолог С. Сплихал, СМИ Центральной и Восточной Европы выбрали далеко не самый лучший вариант развития, пойдя по пути *имитации* западноевропейских образцов. В авангарде шли Польша и Венгрия. По мнению Сплихала, такой вариант развития может серьезно осложнить процесс формирования гражданского общества в этом регионе, поскольку стремительный процесс коммерциализации СМИ неизбежно приведет к их концентрации в руках отечественных и зарубежных корпораций и, следовательно, к господству своекорыстных узкопартийных интересов [21, с. 183-87].

Все эти моменты нового дискурса, безусловно, были следствием кампании по “декоммунизации”, проводимой с разной степенью интенсивности во всех странах Центральной и Восточной Европы и имевшей для них различные последствия. Ситуация, сложившаяся в СМИ стран Центральной и Восточной Европы, и тот тип журналистики, который в них преобладает, заставляет присоединиться к мнению многих специалистов, утверждающих, что медиакратические претензии интеллигенции, проявившиеся столь ярко в начальный период реформ в форме “журналистского постмодерна”, на самом деле имели весьма архаический характер домодерна или даже квазимодерна” [36, с. 64].

Почти идентичные результаты декоммунизации в большинстве посткоммунистических стран, свидетельствовали, что она может рассматриваться, в известном смысле, скорее, как “эмоциональный проект”. Вместе с тем, нельзя недооценивать травматическое влияние этих кампаний как на общественное сознание, так и на социально-политические институты, включая СМИ. В 1996 г. немецкий политолог Г. Фер, подводя итоги декоммунизации в Польше дал следующее ее определение: “Конфликт, связанный с декоммунизацией в Польше свидетельствует о наличии у него символических и стратегических параметров. Декоммунизация является составной частью политической борьбы новых элит, направленной на создание основ изменившейся политической среды (Umwelt) в результате проведенной в 1989 г. смены системы. Речь идет о семантических стремлениях (semantische Bestrebungen) политических акторов равным обра-

зом запечатлеть новые содержательные значения справедливости, права и политического прошлого. С этим связана и другая предпосылка, освещающая стратегические параметры политического дискурса: декоммунизация и “люстрация” являются составными частями стратегии мобилизации политических элит и партий в конкурентной борьбе за влиятельные позиции в общественной и политической жизни Польши” [Fehr H. 1996. p. 135.].

Причины aberrаций, которые постоянно трансформируют вполне реалистичную конструкцию – интеллигенция во власти или “при власти” (М. Вебер), подменяя ее утопическим мифом – интеллигенция как “правлящий класс”, равно как и сама концепция “медиакратии” вполне вписываются в концептуальную парадигму идеологического стиля поведения интеллектуалов, характеристику которой еще в 1980 г. дал Мишель Фуко. “Не есть ли борьба, которую пытаются вести против врага, - на самом деле способ придать значение мелким незначительным спорам? – спрашивал он – Разве не рассчитывают интеллектуалы с помощью идеологической борьбы придать себе больший политический вес, нежели тот, каким они в реальности обладают?” [7, с. 283], [3, с. 93-113].

Истоки современной дискуссии о роли интеллектуалов в современной политике восходят к знаменитой книге Алвина Гоулднера “Будущее интеллектуалов и восхождение нового класса” (1979), в которой он констатировал тенденцию формирования нового социо-экономического порядка и появление “нового класса, состоящего из интеллектуалов и технической интеллигенции (не одно и то же), который вступил в борьбу с группой из промышленников и партийных лидеров, уже установившей в обществе контроль над экономикой” [16, с. 1]. С того времени ситуация значительно изменилась. “Характерный момент в спорах об интеллектуалах, - отмечает А. Санду, - отсутствие у них склонности обращаться к государству и власти. Почти перманентное беспокойство относительно выживания интеллектуала и его способности осуществлять полезную социальную роль - лишнее подтверждение того, как мало внимания обращается на то, что именно интеллектуалы должны решать. Речь идет, прежде всего, о предположительно случайном или естественном разделении интеллектуальной активности и ответственности (курсив мой - ВГ) внутри общества, которые, в свою очередь, объясняют характер распределения культурных ресурсов и доступа к этим ресурсам внутри общества” [14, с. 80-190], [5 с. 139-159].

Общая тенденция дискуссии свидетельствует о том, что вместо разработанной Гоулднером идеи корпоративной борьбы за власть на передний план постоянно выдвигается индивидуалистский тип интеллектуала, расщепляющийся между образами бунтаря-одиночки и индивида, по собственному выбору представляющего определенные интересы в сфере публичной политики. Например, категорически отрицая существование “приватных” и “публичных” интеллектуалов в качестве отдельных типов, Эдвард Саид в начале 1990-х гг. сформулировал собственное видение интеллектуала: “Интеллектуал как представительная фигура, сама по себе имеющая значение - это тот, кто воочию представляет точку зрения определенного

рода, кто отчетливо представляет его или ее взгляды, несмотря на любые препятствия. Мой аргумент заключается в том, что интеллектуалы являются индивидами, имеющими призвание к искусству репрезентации – будь то речь, письмо, обучение, появление на телеэкранах. И это призвание является важным до тех пор, пока оно признается публично и связано как с приверженностью, так и с риском, смелостью и ранимостью” [32, с. 12-13].

Такая, довольно амбивалентная ситуация в свое время была подробно охарактеризована в работах Пьера Бурдьё. Французский социолог рассматривал интеллектуалов как “культурную аристократию”, стремящуюся оберегать свои титулы культурного нобилитета – свою власть и привилегии – посредством развития идеологии “отличия”. Они представляют собой... “подчиненную фракцию” господствующего класса, выступая в роли подвластных в своих отношениях с теми, кто держит в своих руках экономическую и политическую власть, и все же занимая место внутри господствующего класса. В рамках занимаемой ими ситуативной позиции непредсказуемого равновесия, любые симпатии, которые они могут испытывать по отношению к угнетенным, будут в лучшем случае хрупкими и неопределенными. Как доказывал Бурдьё, несмотря на свое восстание против тех, кого они называют “буржуа”, “они остаются лояльными буржуазному порядку, как это можно наблюдать во все кризисные периоды, когда их специфический капитал и их положение внутри социального порядка действительно подвергаются угрозе” [18, с. 8], [19, с. 9].

Правота научной позиции Бурдьё полностью подтверждается и весьма специфическим характером политического поведения интеллектуалов в посткоммунистических странах. Роль, которую играла в них интеллигенция практически на всех этапах политических трансформаций прекрасно анализируется в книге П. Кинга и И. Селеньи “Теории нового класса: интеллектуалы и власть” и сделанные ими выводы в отношении ответственности интеллектуалов – амбивалентной и непредсказуемой - оптимистичными никак не назовешь, хотя бы потому, что первый этап “бархатных революций” был тесно связан с феноменом, который ученые называют “интеллектуализация бюрократии” [King P., Szélenyi I. 2004. p. XXXI.].

Крайне важными и другие выводы Кинга и Селеньи относительно посткоммунистического феномена, обозначенного в их работе как “неосоциалистические реальные утопии”: “Само их существование показывает, что конец Советского Союза не предполагает конец социалистической идеи. После первоначального шока социалистические интеллектуалы начали развивать новые концепции социалистического проекта, на этот раз формируя их как “утопические” ... Эти утопии часто принимают форму современного капиталистического общества, именуемого предшествующим поколением социалистов стадией, которую социализм превзошел. Что наиболее важно, некоторые из этих утопий не только принимают рынки в качестве соответствующего интегративного механизма, но также некоторым образом предполагают, что “свободные рынки” возможны только при социализме, когда монополия на собственность устранена” [22, с. 2220]. Неосоциалистические утопии имели свои аналоги в неолибераль-

ных теориях “третьего пути” 1980-1990-х гг. Наиболее выдающимся теоретиком данного направления был Э. Гидденс: “его программа третьего пути может интерпретироваться как неосоциалистическая реальная утопия” [22, с. 228.].

Драматический опыт, связанный с попытками медиакратических экспериментов в Центральной и Восточной Европе в дальнейшем еще не раз вызывал многочисленные комментарии, развивавшие идеи французского философа. Так, комментируя “на злобу дня” третью главу книги Жульена Бенда “Предательство интеллектуалов” [8], французский философ Ж.-М. Мюллер отмечал: “Интеллектуалы представляют собой совокупность мыслящих людей, чей моральный престиж позволяет им бичевать политический реализм государства. Они не имеют ни малейшего призвания к участию во временном исполнении властных полномочий. Но их духовное призвание заставляет их, водрузившись на публичный пьедестал, беспрестанно напоминать государству о требованиях человеческой совести, без которых цивилизация исчезает, и политическая жизнь распадается” [26]. Однако специфика нашего времени состоит в том, что, “интеллектуалы”, этот класс людей, который традиционно воплощал наивысшие ценности и возлагал на себя ответственность их проповедовать, перестали выполнять эту функцию и также стали предаваться политическим страстям. Фактически, они поменяли ценности” [14, с. 139.].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Практически любая попытка анализировать посткоммунистические процессы в научном и, тем более, политико-философском плане, почти неизбежно порождает у исследователей мысль о том, что возникающие в рамках этих процессов перепады между стагнацией, неустойчивыми “переходными состояниями” и “пароксизмами регресса” имеют откровенно патологический характер. Свойственные посткоммунизму политические и идеологические патологии наглядно демонстрируют особенности современных глобальных кризисных процессов, в рамках которых инновационные прорывы и радикальные трансформации органически переплетаются с консервативными тенденциями и откровенной архаикой. Поэтому вряд ли случайным выглядит стремление некоторых современных ученых выделять “социально-политическую патологию” в качестве специального междисциплинарного научного направления. Так, например, британский исследователь Р.С. Смит в недавно опубликованной работе “Общество и социальная патология” специально отмечает: “Новейшие направления в системном подходе к пониманию общества, формирующие взгляд на систему как целое, создают для нас весьма существенный каркас, позволяющий, в сочетании с другими концептуальными рамками и методологическими подходами, ясно обрисовать рациональность и иррациональность глобальной системы в целом, и патологию нашего текущего социально-экономического и политического состояния дел, – в частности. Это также способствует нашему более широкому пониманию того, что я называю патологическим – *инерционным* – увековечением негативных социальных условий. В более определен-

ных терминах, мы можем называть это патологическим характером современных кризисов. Другими словами, оно соотносится с патологией человеческой деструктивности, т.е. с уровнем анализа, принимающего во внимание как структурные, так и психологические основания современного кризиса” [34, с. 18], [5, с. 176–191].

Высокий уровень концентрации иррационального мифотворчества в идеологических процессах и политических практиках посткоммунистических режимов постоянно вызывает искушение искать причину данного явления в менталитете элитарных групп, особенно тех из них, которые, претендуя на роль новой политической элиты, используют профессиональные навыки для формирования в обществе психологической среды, благоприятствующей их амбициозным замыслам. В эпоху “бархатных революций” подобного рода “предательство принципов” стало оборачиваться многочисленными абберациями, нередко принимавшими откровенно патологический характер, во многом способствуя обозначенной выше радикальной трансформации демократических институтов в посткоммунистическом мире в далеко не либеральном направлении. Спонтанно возникшая в начале XXI в. дискуссия о нелиберальной демократии является в этом плане особенно показательной. “В недавней статье, - отмечал, например, Р. Саква, - Фарид Закария имплицитно стал поддерживать точку зрения Раймона Арона относительно того, что концепция “конституционного плюрализма” является во многих случаях более корректной, чем формула “либеральной демократии”. Закария устанавливает различие между *либеральной* демократией, определяемой как “политическая система, для которой характерны не только свободные и честные выборы, но также правовое государство, разделение властей и защита основополагающих свобод – слова, собраний, религии и собственности” (такую систему он называет конституционным либерализмом) и нелиберальной демократией. В последней “демократически избранные режимы - часто такие, которые были переизбраны и утвердили себя через референдумы – рутинно игнорируют конституционные ограничения своей власти и лишают своих граждан основных прав и свобод”. Для Закария регулярная постановка относительно честных, соревновательных, многопартийных выборов может сделать страну демократической, но она не обеспечит хорошее правление” [33, с. 276].

В целом, можно утверждать, что элитарные тенденции в современной политике своеобразно проявляясь в различных культурах (как западных, так и восточных), тем не менее постоянно демонстрируют наличие в них не только общих элементов, но и общих закономерностей развития, свойственных эпохе глобализации. Обозначенные выше тенденции посткоммунистической политики и интеллектуального менталитета являются весьма характерными и для неолиберальных порядков на Западе: гегемония элитных групп осуществляется в настоящее время не столько путем апелляции к либеральной традиции как таковой, но, скорее, посредством активного использования медийных технологий, непосредственным результатом которых является возникновение ситуации квазилиберального манипулятивного консенсуса. Его наиболее активные сторонники постоянно настаивают на том, что традиционные идеологии исчерпали себя, и их скоро сменит новая эра “постидеологии”.

КОНКУРИРУЮЩИЕ ИНТЕРЕСЫ. Конфликтов интересов в отношении авторства и публикации нет.

АВТОРСКИЙ ВКЛАД И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Автор участвовал в написании статьи и полностью несет ответственность за предоставление окончательной версии статьи в печать.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, *проект № 20-011-31349* «Либеральные традиции и ценности в современном мире: основные тенденции трансформации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[1]. Гуторов, В.А. Посткоммунизм в институциональном, идеологическом и коммуникативном измерениях: критические заметки. Часть II. / В. А. Гуторов, И. Н. Тарасов – Текст: непосредственный // Полис. Политические исследования, 2018. – № 4. – С. 72-83.

[2]. Гуторов, В.А. Неустойчивая ответственность: контуры утопии / В. А. Гуторов – Текст: непосредственный // Власть и элиты, 2019а. – Т. 6. – № 2. – С. 176–195.

[3]. Гуторов, В. А. О некоторых актуальных аспектах интерпретации либеральной традиции в России / В. А. Гуторов – Текст: непосредственный // Środkowoeuropejskich Studiów Polityczny, – 4/2019b. – С. 93-113.

[4]. Гуторов, В. А. К вопросу об элитарных основаниях либеральных демократий (критические заметки на книгу: Higley J., Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. 227 p.) / В. А. Гуторов. – Текст: непосредственный // Власть и элиты, 2020а. – Т. 7. – № 2. – С. 176–191.

[5]. Гуторов, В. А. “Чего не делать”: интеллектуальная политика и античная традиция / В. А. Гуторов – Текст: непосредственный // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 2020б. – № 1. – С. 139-159.

[6]. Дуткевич, П. Асимметричная власть, ересь и посткоммунизм: несколько мыслей (пер. В.А. Гуторова) / П. Дуткевич – Текст: непосредственный // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 2006. – Т. 2. - № 4. – С. 40-49.

[7]. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / пер. с франц. И. Окуновой под общей ред. Б. М. Скуратова / М. Фуко. Москва: Праксис, 2005. – 320 с. – Текст: непосредственный.

[8]. Benda J. (2003) *La trahison des clercs*. Paris: Editions Grasset, (in English).

[9]. Chomsky N. (2017) *The Responsibility of intellectuals*. New York: The New Press, (in English).

[10]. Couldry N. (2000) *The place of media power. Pilgrims and witnesses of the media age*. London; New York: Routledge, (in English).

[11]. Couldry N. (2012) *Media, society, world. Social theory and digital media practice*. Cambridge: Polity Press, (in English).

[12]. Couldry N., Livingstone S. & Markham T. (2007) Media consumption and public engagement. Beyond the presumption of attention. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, (in English).

[13]. Couldry N. & Hepp A. (2017) The mediated construction of reality. Cambridge: Polity Press, (in English).

[14]. Engel P. (2012) Les lois de l'esprit. Julien Benda ou la raison. Paris: Ithaque, (in English).

[15]. Gibson-Graham J.-K. (2006) A postcapitalist politics. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, (in English).

[16]. Gouldner A. W. (1979) The future of intellectuals and the rise of the new class: A frame of reference, theses, conjectures, arguments, and an historical perspective on the role of intellectuals and intelligentsia in the international class contest of the modern era. London; Basingstoke: The Macmillan Press Ltd., (in English).

[17]. Hayes H.A. (2016) Violent subjects and rhetorical cartography in the age of the terror wars. London: Palgrave Macmillan, (in English).

[18]. Intellectuals in twentieth-century France: Mandarins and samurais / ed. J. Jennings. - Houndmills, Basingstoke; London: Palgrave Macmillan, 1993. - 233 p., (in English).

[19]. Judt T. (2007) The burden of responsibility: Blum, Camus, Aron, and the French twentieth century. Chicago; London: The University of Chicago Press, (in English).

[20]. Kalpokas I. (2019) A political theory of post-truth. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, (in English).

[21]. Keane J. (1991) The media and democracy. Cambridge: Polity Press, (in English).

[22]. King P. & Szelényi I. (2004) Theories of the new class: Intellectuals and power. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, (in English).

[23]. Konrad Gy. & Szelényi I. (1991) Intellectuals and domination in post-communist societies // Social theory for changing society / ed. P. Bourdieu, J.S. Coleman. - Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press; New York: Russell Sage Foundation, p. 337-361, (in English).

[24]. Kovács E.J. Hütchenspiel. (1996) Ausschlußverfahren bei den Mediendiskursen über die "Restitution von Gerechtigkeit" in Ungarn 1990-1992 // Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gábor Kiss. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus / hrsg. K. Mänicke-Gyöngyösi. Bd. 9. - Frankfurt am Mein: Peter Lang, ss. 119-134, (Deutsche).

[25]. Marttila T. (2015) Post-foundational discourse analysis. From political difference to empirical research. London: Palgrave Macmillan, (in English).

[26]. Muller J.-M. (2015) La nouvelle trahison des clercs, URL: www.jean-marie-muller.fr, (дата обращения 10.01.2020), (in English).

[27]. Philosophy and political engagement. Reflection in the public sphere / ed. A. Fives, K. Breen. London: Palgrave Macmillan, 2016. p 275, (in English).

[28]. Pond Ph. (2020) Complexity, digital media and post truth politics: a theory of interactive systems. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, (in English).

[29]. (2017) Rhetoric in Neoliberalism / ed. Kim Hong Nguyen. = Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, p. 234, (in English).

[30]. Riedner R.C. (2015) Writing neoliberal values. Rhetorical connectivities and globalized capitalism. London: Palgrave Macmillan, (in English).

[31]. Rolfe M. (2016) The reinvention of populist rhetoric in the digital age. Insiders & outsiders in democratic politics. Singapore: Palgrave Macmillan, (in English).

[32]. Said E. (1994) Representations of the intellectual: The 1993 Reith lectures. New York: Vintage Books.

[33]. Sakwa R. (2001) Liberalism and post-communism // The Edinburgh companion to contemporary liberalism / General Editor M. Evans. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 269 -286, (in English).

[34]. Smith R.C. (2017) Society and social pathology. A framework for progress. New Brunswick, New Jersey: Palgrave Macmillan, (in English).

[35]. Splichal S. (1991) The “civil society paradox” and media in Central and Eastern Europe. Paper President at the Firth Colloquium on Communication and Culture. Piran, Yugoslavia. pp. 43-78, (in English).

[36]. Szabo M. (1996) Die Semantik des Systemwechsels // Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gábor Kiss. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus / hrsg. K. Mänicke-Gyöngyösi. Bd. 9: - Frankfurt am Mein: Peter Lang, ss. 57-70, (Deutsche).

[37]. Thompson M. (2016) Enough said. What’s gone wrong with the language of politics? New York: St. Martin’s Press, (in English).

[38]. Van Dijk T.A. (2009) Society and discourse. How social contexts influence text and talk. Cambridge: Cambridge University Press, (in English).

[39]. Wodak R. (2013) Analyzing meetings in political and business contexts: different genres – similar strategies? Analyzing genres in political communication. Theory and practice / ed. P. Cap, U. Okulska. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, pp. 187-221, (in English).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуторов Владимир Александрович
ФГБОУ ВО “Санкт-Петербургский государственный университет”,
Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 7-й подъезд,
Зав. кафедрой теории и философии политики,
доктор философских наук, профессор,
e-mail: gut-50@mail.ru
[ORCID: 0000-0001-8063-2558](https://orcid.org/0000-0001-8063-2558)

INTELLECTUALS AS A “NEW MEDIOCRACY”: HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECTS OF INTERPRETATION

Gutorov V. A.

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Saint-Petersburg State University”,
St. Peterburg, Russia*

ABSTRACT

The article is mainly devoted to the problem of the genesis of elite tendencies in modern information policy in the context of the analysis of the evolution of intellectual strategies in the field of mass media in post-communist countries. It consistently investigates the paradoxical properties of the post-communist phenomenon, constantly stimulating the turn of the humanities towards the analysis of the specifics of the new communicative and rhetorical properties of political texts in the structure of ideological discourses both in Europe itself and beyond. It is, first of all, the need to comprehend the real process, which T. Marttila defines as “general ‘discursivization’ of the academic community”. Some scholars believe that this trend is a kind of reflection of the process of “materialization of discourses”, within which rhetoric and rhetorical principle in general acquire a dominant position in modern politics. All these revolutionary tendencies undoubtedly strengthen the position of the modern mass media, forming a renewed basis for the pretentious political myth of the “fourth estate” that emerged in the second half of the last century. One of the most tendentious modern versions of this myth is reflected in the idea of intellectuals as a “new mediocracy”, whose origins date back to the early stage of the “velvet revolutions” in Central and Eastern Europe. It is based on aberration, which constantly transforms a completely realistic construction - the intelligentsia in power or “by power” (M. Weber), replacing it with a utopian myth - the intelligentsia as a “ruling class”.

KEYWORDS: political discourse, mass media, post-communism, liberalism, intellectuals, “mediocracy”, myth, power, utopia.

DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.003

ORIGINAL ARTICLE SUBMITTED: 15.01.2021

REVISION SUBMITTED: 25.01.2021

FOR CITATION: Gutorov V. A. (2021) Intellektualy kak “novaya mediakratiya”: istoricheskie i teoreticheskie aspekty interpretatsii [Intellectuals as a “new mediocracy”: historical and theoretical aspects of interpretation]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovaniye. Slovesnost’*. 2021, vol. 1, no. 1, pp. 26 – 43. DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.003

COMPETING INTERESTS. The author declare that there are no conflicts of interest regarding authorship and publication.

CONTRIBUTION AND RESPONSIBILITY. The author contributed to this article. The author is solely responsible for providing the final version of the article in print. The final version of the manuscript was approved by the author.

SPECIAL THANKS

The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, project No. 20-011-31349 “Liberal tradition and values in the modern world: the main trends of transformation”.

REFERENCES

- [1]. Benda J. (2003) *La trahison des clercs*. Paris: Editions Grasset.
- [2]. Chomsky N. (2017) *The Responsibility of intellectuals*. New York: The New Press.
- [3]. Couldry N. (2000) *The place of media power. Pilgrims and witnesses of the media age*. London; New York: Routledge.
- [4]. Couldry N. (2012) *Media, society, world. Social theory and digital media practice*. Cambridge: Polity Press.
- [5]. Couldry N., Livingstone S. & Markham T. (2007) *Media consumption and public engagement. Beyond the presumption of attention*. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan.
- [6]. Couldry N. & Hepp A. (2017) *The mediated construction of reality*. Cambridge: Polity Press.
- [7]. Dutkiewicz P. (2006) *Asymmetric power, heresy and post-communism: a few thoughts* (translated by V.A. Gutorov). *Political Expertise: POLITEX*, vol. 2, no. 4. pp. 40-49, (in Russian).
- [8]. Engel P. (2012) *Les lois de l'esprit. Julien Benda ou la raison*. Paris: Ithaque.
- [9]. Foucault M. (2005) *Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews. Part 2*. Transl. from French I. Okuneva, general ed. B. M. Skuratov. M.: Praxis, p. 320, (in Russian).
- [10]. Gibson-Graham J.-K. (2006) *A postcapitalist politics*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press.
- [11]. Gouldner A. W. (1979) *The future of intellectuals and the rise of the new class: A frame of reference, theses, conjectures, arguments, and an historical perspective on the role of intellectuals and intelligentsia in the international class contest of the modern era*. London; Basingstoke: The Macmillan Press Ltd.
- [12]. Gutorov V.A., Tarasov I.N. (2018) *Postkommunizm v institutsional'nom, ideologicheskom i kommunikativnom izmereniyakh: kriticheskie zametki. Chast' II. [Post-communism in institutional, ideological and communicative dimensions: Critical notes. Part II]* *Policy. Political Studies*, no. 4, p. 72-83, (in Russian).
- [13]. Gutorov V.A. (2019a) *Neustoychivaya otvetstvennost': kontury utopii [Unsustainable responsibility: contours of utopia]* *Power and elites*, vol. 6, no. 2, p. 176-195, (in Russian).

[14]. Gutorov V.A. (2019b) O nekotorykh aktual'nykh aspektakh interpretatsii liberal'noy traditsii v Rossii [On some topical aspects of the interpretation of the liberal tradition in Russia] *Środkowoeuropejskich Studiów Polityczny*, vol. 4, pp. 93-113, (in Russian).

[15]. Gutorov V.A. (2020a) K voprosu ob elitarnykh osnovaniyakh liberal'nykh demokratiy (kriticheskie zametki na knigu: Higley J., Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. 227 p.) [On the issue of the elite foundations of liberal democracies (critical notes on the book: Higley J., Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. 227 p.)] *Power and elites*, vol. 7, no. 2, pp. 176-191, (in Russian).

[16]. Gutorov V.A. (2020b) «Chego ne delat'»: intellektual'naya politika i antichnaya traditsiya [“What is not to be done”: intellectual politics and ancient tradition] *Political expertise: POLITEX*, no. 1, pp. 139-159, (in Russian).

[17]. Hardy J. (2014) *Critical political economy of the media. An introduction*. London; New York: Routledge.

[18]. Hayes H.A. (2016) *Violent subjects and rhetorical cartography in the age of the terror wars*. London: Palgrave Macmillan.

[19]. *Intellectuals in twentieth-century France: Mandarins and samurais* / ed. J. Jennings. - Houndmills, Basingstoke; London: Palgrave Macmillan, 1993. - 233 p.

[20]. Judt T. (2007) *The burden of responsibility: Blum, Camus, Aron, and the French twentieth century*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

[21]. Kalpokas I. (2019) *A political theory of post-truth*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan.

[22]. Keane J. (1991) *The media and democracy*. Cambridge: Polity Press.

[23]. King P. & Szelényi I. (2004) *Theories of the new class: Intellectuals and power*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press.

[24]. Konrad Gy. & Szelényi I. (1991) *Intellectuals and domination in post-communist societies // Social theory for changing society* / ed. P. Bourdieu, J.S. Coleman. - Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press; New York: Russell Sage Foundation, pp. 337-361.

[25]. Kovács E.J. Hütchenspiel. (1996) *Ausschlußverfahren bei den Mediendiskursen über die “Restitution von Gerechtigkeit” in Ungarn 1990-1992 // Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gábor Kiss. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus / hrsg. K. Mänicke-Gyöngyösi. Bd. 9. - Frankfurt am Mein: Peter Lang, pp. 119-134.*

[26]. Marttila T. (2015) *Post-foundational discourse analysis. From political difference to empirical research*. London: Palgrave Macmillan.

[27]. Muller J.-M. (2015) *La nouvelle trahison des clercs*, Available at: www.jean-marie-muller.fr (accessed 23 December 2020).

[28]. (2016) *Philosophy and political engagement. Reflection in the public sphere* / ed. A. Fives, K. Breen. London: Palgrave Macmillan, p. 275.

[29]. Pond Ph. (2020) Complexity, digital media and post truth politics: a theory of interactive systems. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan.

[30]. (2017) Rhetoric in Neoliberalism / ed. Kim Hong Nguyen. - Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, p. 234.

[31]. Riedner R.C. (2015) Writing neoliberal values. Rhetorical connectivities and globalized capitalism. London: Palgrave Macmillan.

[32]. Rolfe M. (2016) The reinvention of populist rhetoric in the digital age. Insiders & outsiders in democratic politics. Singapore: Palgrave Macmillan.

[33]. Said E. (1994) Representations of the intellectual: The 1993 Reith lectures. New York: Vintage Books.

[34]. Sakwa R. (2001) Liberalism and post-communism // The Edinburgh companion to contemporary liberalism / General Editor M. Evans. Edinburgh: Edinburgh University Press.

[35]. Smith R.C. (2017) Society and social pathology. A framework for progress. New Brunswick, New Jersey: Palgrave Macmillan.

[36]. Splichal S. (1991) The “civil society paradox” and media in Central and Eastern Europe. Paper President at the Firth Colloquium on Communication and Culture. Piran, Yugoslavia. September, pp. 43-78.

[37]. Szabo M. (1996) Die Semantik des Systemwechsels // Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gábor Kiss. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus / hrsg. K. Mänicke-Gyöngyösi. Bd. 9: Frankfurt am Mein: Peter Lang, pp. 57-70.

[38]. Thompson M. (2016) Enough said. What’s gone wrong with the language of politics? New York: St. Martin’s Press.

[39]. Van Dijk T.A. (2009) Society and discourse. How social contexts influence text and talk. Cambridge: Cambridge University Press.

[40]. Wodak R. (2013) Analyzing meetings in political and business contexts: different genres – similar strategies? Analyzing genres in political communication. Theory and practice / ed. P. Cap, U. Okulska. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, pp. 187-221.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gutorov Vladimir Alexandrovich
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, st. Smolny, 1/3, entrance 7, Russia
Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics,
Doctor of Philosophy, Professor,
e-mail: gut-50@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8063-2558.